

Глория Голд

Зеленая шапочка

Сосновый Бор 2

18+

Глория Голд

Зелёная шапочка

«Автор»

2026

Голд Г.

Зелёная шапочка / Г. Голд — «Автор», 2026

Студентка-экоактивистка Даша Пирожкова по прозвищу Зелёная Шапочка приезжает в летний лагерь «Чистый лист», чтобы просеивать компост и спасти планету. Но вместо органических отходов она находит в компостной яме тело известной балерины – в пуантах и в позе Умирающего лебедя. Так начинается расследование, в которое Даша оказывается втянутой вместе с харизматичным частным детективом Сергеем Волковым. За первым убийством последуют ещё два – погибнут телеведущий в прямом эфире и экстрасенс в собственном особняке. Три дела, три мира – балет, телевидение, эзотерика – и одна сквозная тайна: серебряные пуанты, белые лилии и загадочная фигура, которую называют Королевой. Детективная сказка с элементами нуара, сатиры и чёрного юмора, где московские реалии сплетаются с абсурдом, а за каждым поворотом сюжета скрывается новая неожиданность.

© Голд Г., 2026

© Автор, 2026

Глория Голд

Зелёная шапочка

Глава 1

Глава 1. Как правильно падать с электросамоката

Дождь в Москве стекал по водосточным трубам Патриарших прудов, смешиваясь с пролитыми на асфальт остатками латте на кокосовом молоке. В такую погоду нормальные люди сидят дома, заказывают пиццу и смотрят сериалы про британских детективов, попивая глинтвейн из эко-кружек многократного использования. Но Даша Пирожкова никогда не относилась к нормальным людям. Нормальность, по её глубокому убеждению, была первым шагом к конформизму, а конформизм – к пластиковым пакетам.

Именно поэтому в девять часов вечера вторника, когда приличные студентки третьего курса факультета урбанистики готовятся к зачёту, Даша стояла под козырьком закрытого «ВкусВилла» и смотрела на мигающий зелёным огоньком электросамокат. Самокат был мокрым, жалким и, кажется, слегка накрёнённым влево – как пенсионер после неудачной встречи с каршерингом. На его руле болтался обрывок чьего-то шарфа, а на платформе красовалась наклейка: «Соблюдай ПДД, или попадёшь в ад».

– Ты издеваешься, – сказала Даша самокату, поправляя вязаную зелёную шапочку, которая была её талисманом, предметом гордости и единственной вещью, которую она носила не снимая с четырнадцати лет. Бабушка связала её для Даши и назвала «апофеозом разумного потребления». Шапочка была колючей, слегка великоватой и имела обыкновение сползать на глаза в самый неподходящий момент, но Даша любила её той особенной любовью, которую испытывают только к абсолютно неудобным, но идейно правильным вещам.

Самокат в ответ промолчал, но его переднее колесо предательски дёрнулось, когда Даша навела на него телефон с открытым приложением. На экране высветилось: «Уровень заряда: 15%. Дальность поездки: до ближайшего разочарования». Приложение явно было написано кем-то с философским образованием или клинической депрессией. Возможно, и тем и другим одновременно – в Москве это распространённый диагноз.

– Пятнадцать процентов, – пробормотала Даша, прикидывая расстояние до бабушкиной дачи. – Это я либо доеду с ветерком, либо застряну где-нибудь в районе МКАДа и буду объяснять гаишникам, почему я толкаю самокат по обочине со скоростью томной печали.

Поездка к бабушке была ритуалом. Раз в две недели, независимо от погоды, пробок и конца света, Даша грузила в рюкзак веганские пирожки собственного приготовления (рисовая мука, кокосовое масло), термос с травяным чаем и отправлялась в сторону области. Бабушка Софья Петровна жила в дачном посёлке, затерянном между элитными коттеджами и остатками советских шести соток, где по ночам были чьи-то породистые собаки, а по утрам кричали настоящие петухи. Это было единственное место в мире, где Даша чувствовала себя относительно спокойно – если не считать соседа-генерала, который регулярно принимал её за шпионку и грозил вызвать «куда следует».

Но сегодня ритуал был под угрозой срыва. Электричка отменялась из-за ремонта путей, автобус ходил раз в час и явно не собирался подстраиваться под Дашино расписание, а такси она не вызывала из принципа – потому что каждый вызов такси увеличивает углеродный след на величину, сопоставимую с недельным выхлопом небольшого завода. По крайней мере, так говорилось в блоге «Грин Эпл», на который Даша была подписана уже два года и который считала главным авторитетом во всём, кроме рецептов сыроедческих конфет.

– Ладно, – сказала она, решительно пиная подножку самоката. – Поехали, но только без фокусов.

Самокат отозвался мелодичным писком, который при желании можно было интерпретировать как «договорились», а при реалистичном взгляде на вещи – как предупреждение о скорой разрядке аккумулятора.

Первые десять минут поездки были почти приятными. Москва в вечер вторника – это особый вид урбанистического чистилища: пробки уже рассосались, но безумие ещё не закончилось, просто перешло в вялотекущую фазу. Даша лавировала между припаркованными машинами, объезжала лужи и с чувством глубокого морального превосходства смотрела на владельцев внедорожников, которые жгли бензин в пробках.

На Садовом кольце её чуть не сбил курьер на мопеде. Курьер был одет в ярко-жёлтую форму и имел то особенное выражение лица, которое бывает у людей, доставляющих уже сороковой заказ за смену и окончательно утративших веру в человечество. Он что-то крикнул Даше – судя по жестике, явно не пожелание доброго пути. Даша в ответ показала ему нашивку с надкусанным зелёным яблоком – логотипом движения «Грин Эпл», но курьер не оценил.

– Ты посмотри на них, – проворчала Даша, обращаясь к самокату. – Все спешат, все сигналят. А ради чего? Ради того, чтобы успеть заказать ещё одну пиццу до закрытия? Человечество катится в пропасть с включёнными фарами, под музыку из динамиков.

Самокат согласно пискнул, уровень заряда показывал 8%.

За МКАДом пейзаж начал меняться. Многоэтажки уступили место коттеджным посёлкам, коттеджные посёлки – лесополосе, а она – тому особенному состоянию природы, которое возникает, когда город уже закончился, а область ещё не началась. Фонари здесь горели через один, создавая зловещий ритм «свет-тьма-свет-тьма», а асфальт имел текстуру, вызывающую в памяти кадры из документальных фильмов о лунной поверхности.

Именно здесь, на участке дороги между заброшенным постом ДПС и поворотом на дачный посёлок «Сосновый бор-2», всё и случилось.

Сначала Даша услышала звук. Это был не тот уютный шум мотора, к которому она привыкла за полчаса поездки, а какой-то надрывной, скрежещущий стон – словно самокат внезапно осознал всю тщетность бытия и решил озвучить эту мысль. Потом замигал индикатор заряда: вместо цифр на экране появилось издевательское «УДАЧИ)))» – с тремя скобками, будто приложение решило напоследок потроллить пользователя.

– Эй, – сказала Даша. – Эй, мы так не договаривались!

Самокат в ответ начал терять скорость. Сначала плавно, как порядочное транспортное средство, а потом – резко, как будто ему внезапно наскучило притворяться исправным. Даша инстинктивно дёрнула руль вправо, потом влево, пытаясь удержать равновесие. Зелёная шапочка сползла на глаза. Рюкзак с пирожками сдавил плечи. Мир вокруг превратился в смазанную акварель из чёрного неба, серого асфальта и жёлтого света одинокого фонаря.

Есть такой особый момент между «всё под контролем» и «всё пропало», который длится долю секунды, но успевает вместить целую жизнь. Даша успела подумать о четырёх вещах одновременно: что она не доделала доклад по урбанистике; что бабушка будет волноваться; что пирожки наверняка рассыплются; и что падать на асфальт с работающего на остаточном заряде самоката – это, наверное, самое глупое, что с ней случалось. И это при том, что однажды она пыталась объяснить преимущества веганства мяснику на Даниловском рынке.

Удар был коротким и неожиданно тихим. Никакого драматического хруста, никакого эпического столкновения тела с действительностью. Просто толчок, вспышка света – и тишина.

А потом наступила тьма. Не метафорическая, а самая настоящая – густая, вязкая, пахнущая мокрым асфальтом и отдающая странным гулом в висках. Даша не знала, сколько она так

пролежала – минуту, час или целую вечность. Время в такие моменты теряет смысл, становится резиновым, растягивается и сжимается по каким-то своим, неподвластным человеку законам.

Первым, что вернулось, был слух. Где-то далеко, словно сквозь вату, пробивался ритмичный писк – такой же, как у самоката, только настойчивее. К нему примешивались другие звуки: чьи-то голоса, шум машин, обрывок музыки из проезжающего мимо автомобиля. Даша попыталась открыть глаза, но веки не слушались. Она попыталась пошевелить пальцами – пальцы отозвались слабым движением. Она попыталась вспомнить, кто она и что здесь делает, – и память услужливо подсунула картинку: зелёная шапочка, мокрый асфальт, мигающий огонёк самоката.

– Жива, – произнёс кто-то над самым ухом. Голос был мужской, низкий, с лёгкой хрипотцой – такой, какой бывает у людей, которые слишком много курят и слишком мало спят. – Эй, Зелёная Шапочка, ты меня слышишь?

Даша хотела ответить «я не Зелёная Шапочка, я Даша Пирожкова, студентка, эко-активистка и вообще», но из горла вырвался только невразумительный хрип.

– Слышит, – констатировал голос с ноткой удовлетворения. – Уже неплохо. Скорую вызвали, лежи пока. Ты так эффектно грохнулась, что я чуть не проехал мимо – думал, кино снимают.

Даша наконец сумела приоткрыть глаза – ровно настолько, чтобы увидеть склонившуюся над ней фигуру. Мужчина, лет тридцать, может, чуть больше. Тёмные волосы, мокрые от дождя. Карие глаза с прищуром, словно он постоянно оценивает окружающее по шкале от «подозрительно» до «очень подозрительно». Одет не по погоде – лёгкое пальто поверх какой-то немыслимой футболки с принтом. В руке – мобильный телефон, по которому он только что, видимо, вызывал скорую.

– Вы кто? – только и сумела выдавить из себя Даша.

– Я тот, кто не проехал мимо, – ответил мужчина. – В наше время это уже профессия. Сергей Волков, частный детектив, точнее был частным детективом, пока не кончились клиенты. Теперь вот спасаю упавших самокатчиков, ну, прямо карьерный рост налицо.

Он говорил с той особенной интонацией, в которой цинизм и участие смешиваются в равных пропорциях, создавая странный, но почему-то успокаивающий эффект. Даша попыталась улыбнуться, но получилось, кажется, не очень.

– Пирожки... – прошептала она.

– Что?

– Пирожки мои рассыпались веганские, которые бабушке везла.

Волков на секунду задержал на ней взгляд, потом перевёл его на рюкзак, валяющийся в трёх метрах, на рассыпанные по асфальту комочки, уже размокающие под дождём, и обратно на Дашу.

– Вы ударились головой, – сказал он медленно, словно разговаривал с ребёнком. – Лежите спокойно, пирожками займёмся позже.

Где-то вдалеке послышался звук сирены. Волков выпрямился, убрал телефон в карман и, кажется, собирался уйти – но задержался.

– Знаете, – сказал он, глядя куда-то поверх Даши, в темноту дождливой ночи, – есть такая примета: если человек в зелёной шапке падает с самоката и при этом думает о пирожках, его ждёт очень странная неделя. Я не суеверный, но...

Он не договорил. Сирена взвыла совсем близко, и через минуту пространство вокруг заполнилось людьми в форме, носилками, вопросами и тем особым медицинским деловитым шумом, который не оставляет места для философских размышлений.

Дашу погрузили в машину. Волков остался стоять под дождём. Последнее, что она увидела перед тем, как двери скорой захлопнулись, – его силуэт, уходящий в сторону припаркованной у обочины машины.

А через три дня она нашла свой первый труп.

В дачном посёлке «Сосновый бор-2» тем временем шла своя, параллельная жизнь.

Софья Петровна, Дашина бабушка, сидела на веранде и смотрела в темноту. Телефон внучки не отвечал уже третий час. Бабушка перебрала в уме все возможные сценарии – от севшей батарейки до похищения инопланетянами – и остановилась на самом правдоподобном: «эти дурацкие самокаты, у которых вечно всё ломается». Рядом с ней на столе стояла тарелка с пирожками (обычными, не веганскими, потому что Софья Петровна считала муку из риса или сверчков личным оскорблением) и чашка остывшего чая.

В соседнем доме генерал Хрустов настраивал самодельную антенну для перехвата «вражеских сигналов». Антенна ловила только радио «Дача» и помехи от микроволновки, но генерал считал это частью заговора. Клара Цукерман, третья обитательница дачного треугольника, переписывала завещание в пятнадцатый раз, вычёркивая и вписывая родственников в зависимости от их поведения за последнюю неделю.

Где-то далеко, в Москве, Сергей Волков сидел в своём кабинете (который по совместительству был его квартирой) и просматривал сводки происшествий. Падение девушки с самоката было не самым интересным событием дня, но чем-то она его зацепила. Может быть, этой дурацкой зелёной шапкой. Может быть, тем, что в полубессознательном состоянии переживала о веганских пирожках. А может быть, тем, как она посмотрела на него – не испуганно, не кокетливо, а оценивающе, словно прикидывая, можно ли ему доверять.

Он не знал, что их встреча была не последней. Не знал, что через три дня они снова столкнутся – на этот раз над телом балерины, закопанной в компостной яме. Не знал, что эта странная девушка в зелёной шапке станет его главной помощницей в трёх расследованиях подряд. И уж точно не знал, что всё это – каждое слово, взгляд и расследование – окажется совсем не тем, чем кажется.

Но это всё будет потом.

А пока дождь продолжал идти, смывая с асфальта следы несостоявшейся поездки, и Москва жила своей обычной жизнью – шумной, циничной, прекрасной и чудовищной одновременно.